

Анна Стреминская

Мы держим шар земной в руках

* * *

Стаи жар-птиц полетели уже над домами,
коль перелетов настало тревожное время.
Только оставлены стаи совсем жожаками –
мечутся птицы, как в панике дикое племя!
Падают мертвыми – их замечает метлою
строгий сосед наш Василий, куря папиросу...
И намечает холмы золотые порою,
и поджигает, мешая поэзию с прозой.
Дым погребальных костров поднимается в небо.
Запах осенних цветов так же резок и горек...
Смотрит на это прохожий, и кто бы он ни был,
в душе у него разливается серое море.
Над куполами соборов – черные клинья
движутся четко, и так повелось изначально:
черные птицы – на юг золотистый и синий.
Желтые птицы – в костры от слепого отчаянья!

* * *

Мы держим шар земной в руках – мы это знаем!
Да что нам тот Китай? – Давай его сломаем!
Демьянова Ухань накормит всех по горло
да так, чтобы совсем «в зобу дыханье сперло».

Италия нежна, и март рядится маем...
Италия – цветок, давай его сломаем!

Что нам, хозяевам, Россини с Бруннелески?
Певучая Италия, задерни занавески!

Всего нужнее страх в глазах больших и узких
и паника в умах: испанских, польских, русских...
Как хрупок шар земной – как шарики для елки.
Коль хрустнет – что виной? Мы соберем осколки!

* * *

Нам отомстила Земля за поруганье и скверну,
рыбы нам отомстили, забитое пластиком море.
Воды речные нас прокляли наверно...
Что же еще нас ожидает вскоре?

Живая Земля застонала от паразитов,
зашевелились на голове у нее деревья.
Ветры земные восстали, на нас сердиты.
И исполняются пророчества и поверья.

Сходит с ума отравленная природа,
молит Создателя: «Останови заводы!
Звездою Польнью отравлены здешние воды,
странами правят преступники и уроды».

Люди теперь забились от страха в норы,
пойманы в сеть, сплетенную ими самими.
Каждый отслежен за личным своим забором
и позабыл, что значит Богом данное имя.

* * *

Они поют на балконах,
они на балконах танцуют.
Они остаются дома,
но дома им тесно...
Они готовят спагетти,
они любят друг друга.

При встрече в аптеке
они желают расцеловаться,
но вовремя вспоминают,
что на них защитная маска.
Помилуй их, Господи!

Их старики убегают в лес,
чтобы играть в карты.
Их молодежь убегает на пляж,
чтобы играть в пинг-понг!
А мэры их городов устали всех
материть,
а их собаки устали
выгуливать своих хозяев.
Помилуй их, Господи!

Они беспечны как дети,
и в мире народа нет
веселей и живее,
общительней и певучей.
От вида пустого Рима
становится страшно жить.
От вида пустой Флоренции
не становится лучше.
Помилуй их, Господи!

Помилуй, Господи,
Италию и Испанию,
Россию и Украину,
Америку и Китай!
Помилуй, Господи,
все живое, что родилось
на этой планете.
Ибо что родилось,
имеет право на жизнь:
от младенца и до министра,
от муравья до кита!

* * *

На Большой Арнаутской сапожник сидел – дядя Сеня.
Поэт Игорь Павлов меня привел в мастерскую
и сказал: «Дядя Сеня поэзию любит: Есенина,
Блока, Пушкина, но и нынешних милует все».

«Читай стихи! – сказал мне, кивнув,
сапожник. –
если понравится, я обувь чиню бесплатно!»
Я присела на стул и скинула босоножки,
и читала ему стихи, что нравились, вероятно...

Я читала, а Сеня стучал потихоньку,
вбивая слова молотком в каблучки и подметки.
«Читай еще!» – он повторял монотонно
и закончил работу ловко и четко.

«Ты читаешь стихи, как будто молишься, – он мне сказал –
Поэтесса – что с нее взять!» – вынес вердикт сурово.
«Вот стихи настоящие: жизнь это лишь вокзал», –
и прочитал стихотворение Кочеткова.

Мы уходили с Павловым, я цокала
каблучками –
как будто мы побывали в лучшей из всех Одесс...
И казалось, что рядом шли подбитые лишь словами
ботинки поэтов, цокали каблучки поэтесс.

Стекло

И у меня в этом мире была свадьба.
За несколько дней до нее стекло разбилось в серванте.
Может, и был в нашей семье лад бы,
но муж оказался взрывной, как испанские гранды.

поет пропыленный менестрель.
Бывают, правда, слова-пирожные,
с розочками из крема, с цукатами,
с цианистым калием, осторожные,
и ни в чем, пожалуй, не виноватые.
Входит в сердце или под кожу
иголка слова, горечь излив.
Слово, холодное, будто ножик,
слово, горячее, будто взрыв!

* * *

Знаешь, на моей планете сияет море
ярким полднем, все в дымке голубоватой...
И сияет небо, и ангелы спелись в хоре
среди облаков, а внизу голосят ребята.

На моей планете на берегу маслины,
а под маслинами столики, сок и пиво.
Растекается сок, разлитый на столике синем...
Оранжевое на синем – это красиво!

Знаешь, на моей планете людей убивают
другие люди – за гордость и силу слова.
За то, что те непокорны и им не хватает
свободы – слова с привкусом крови!

На моей Земле забредает любовь нередко,
как юродивая, в дома, и часто гонима.
Но прекрасны на старых картинах улыбки предков,
и прекрасная музыка льется, неповторима...

На моей планете бомбы падают с воем,
и содрогается шар земной: от воды до тверди.
Что же здесь происходит, и что решают войною?
На этой прекрасной, ужасной, ужасно прекрасной,
прекрасноужасной моей планете...

Франц

Плакал он, плакал... Он говорил: «Мне не нужна война, война нужна только Гитлеру, а я хочу к своей фрау! Она красива и такая хозяйка она... У нас молочная ферма. Так какое имел он право?!» Он обращался к моей прабабке: «Мутер, кальт!* А я не здоров». Она отвечала ему трехэтажным матом. Ее дочка переводила: «Мутер сказала, что у нас нету дров!» Он говорил: «Дрова у вас будут – это слово солдата!» Через полчаса он вернулся с телеграфным столбом, в грязи. Он распилил его на кусочки, и дров хватило на зиму. А еще он катал на санках и называл Зизи девочку с локонами, мою юную бабушку Зину. – Гитлер капут! – кричали они вдвоем. – Гитлер капут! – кричали товарищи Франца. Смеясь о чем-то на языке своем, они все любили на санках кататься. На Рождество Франц получал посылки из дома: пряники и печенье, сгущенное молоко. Он делился с моей прабабкой, излишне пылкой: она принимала гостинцы, посылая его далеко. Франца с товарищами перевели на восток. И никто не узнал, встретился ль он со своей доброй фрау. Но запомнили все, как он плакал и говорил: «Мой Бог, Кто дал ему, кто дал ему это право?!»

* «Мутер, кальт!» – «Мама, холодно!» (нем.).